

A watercolor landscape painting featuring a dense forest of tall evergreen trees in the foreground and middle ground. In the background, a large, rugged mountain peak rises through a layer of soft, white mist. On the left side, a small, rustic wooden cabin with a dark, rounded roof sits on a rocky outcrop. The water in the foreground is calm, reflecting the surrounding greenery and the pale light of the scene.

Виталий Полозов

НА ТАЁЖНОЙ ЗАИМКЕ

Виталий Полозов

НА ТАЁЖНОЙ ЗАИМКЕ

Редактор Эльвира Цорн
Компьютерная вёрстка и обложка Татьяны Крук
Иллюстрация на обложке pixabay.com

Полозов, В.

П52 На таёжной заимке: Повесть. — Свет на Востоке, 2024. — 352 с.
Издание первое

Посвящение

Дорогие друзья! В повести «На таёжной заимке» есть эпизоды, заимствованные из воспоминаний моей старшей сестры о нашем детстве в Каравьере. Это поселение на Тюменчине, которое не сыскать на карте, потому что на карте его никогда и не было. Одно слово — глухомань. Пожалуй, это самое точное определение таёжного посёлка, существовавшего в нескольких километрах от более крупного Тропинска, где была даже начальная школа. Вот разве что в памяти местных стариков при упоминании Каравьера ещё шевельнутятся отголоски его былой значимости для обороны страны. Может быть, может быть... О какой значимости идёт речь, вы прочтёте в повести. Потом, после войны, судьба разбросала нашу когда-то большую дружную семью сначала по разным республикам и областям Советского Союза, а позже — и по разным странам. И вот теперь из той «карьерской» семьи нас осталось двое, поэтому я и посвящаю эту книгу моей дорогой сестрёнке Тае Вшивко, урождённой Полозовой Таисии, отметившей в этом году своё девяностолетие.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Насущное отходит вдаль,
а давность, приблизившись,
приобретает явность.

И. В. Гёте. Фауст

Каждый человек в той или иной мере — один меньше, другой больше — обладает так называемой декларативной памятью, которая надёжно хранит в своих запасниках «события давно минувших дней». Это именно она способствует тому, что чем дальше уходит от человека время, связанное с детскими годами, тем отчётливее — эпизод за эпизодом — вырисовывается оно в его воспоминаниях. То есть «приобретает явность», как следует из процитированного выше эпиграфа. И оно так и есть. Время не властно над памятью: всё чаще и настойчивее предстают в воображении как наяву особо незабываемые сцены, и вот уже никуда тебе не деться от памяти, кроме как поделиться ею, словами выразить однажды пережитое. И тогда так разволнуешься, что не в силах понять, когда те мгновения волновали тебя сильнее: в том далёком далеке или сейчас, у видимого уже порога вечности.

Мне было лет шесть, когда отец в первый раз взял меня с собой на лесосеку в тайгу, где он работал лесорубом. Кого только не было в той большой интернациональной бригаде! Рядом с местными сибиряками трудились украинцы, молдаване, калмыки, литовцы, немцы — всего около ста человек. Все они были ссыльными, и их друг с другом неспешные беседы после работы буквально притягивали меня. В них, в этих беседах, наряду с какой-то, пока ещё непонятной для меня неизбывной тоской по оставленному родному краю обязательно лелеялась надежда на возвращение. И эта надежда всегда связывалась с Богом: дескать, Господь всё видит и знает и воздаст нам за испытания и терпение наше. И — никаких жалоб.

Потом многие, сложив руки на груди, беззвучно молились; и что это была именно молитва, видно было по слезам на их лицах. Да, взрослые дяденьки плакали, но в то же время улыбались так благостно, будто для каждого из них в ответ на молитву уже пришла радостная весть. Я, конечно, не понимал этого, вершившегося в их душах таинства, но такая щемящая жалость охватывала всё моё существо, что я еле сдерживался, чтобы не разреветься. Не понимал этого их состояния и мой отец, и его товарищи по работе.

«У меня (у нас) на моей родине...» — такими словами начинал вспоминать очередной лесоруб свою прежнюю жизнь, и я, за-таив дыхание, вслушивался в каждое его слово. Я уже понимал, что они не такие, как мой папка, как все другие сибиряки; мне нравилась их медленная речь (подбирали русские слова), их акцент (помню, даже старался подражать одному литовцу), а в их воспоминаниях чудилась какая-то далёкая и обязательно сказочная страна.

Но завершался вечер всё тем же печальным «только бы не было войны» и той доходчивой, без слов, молитвой, которая втайне. И я верил тогда, верю и сейчас, что «Господь, видящий тайное, воздал им явно». Многие из них, если не сами, то их дети, обрели-таки по пути в вечность свою пока ещё земную родину.

— Папка, у них у каждого своя родина, ли чё ли? — обратился я после очередной такой «прослушки» к отцу, не подозревая, что, в общем-то, был близок к истине.

— Не болтай, — строго, но почему-то очень тихо и с оглядкой ответил он. — И поменьше развешивай уши, когда разговаривают взрослые. — И как отрубил: — Родина у всех одна. Понял?

Наверное, я понял. Потому что больше с такими вопросами ни к кому не обращался. Но что касается ушей, то «развешивать их» я не перестал, и те истории-откровения более чем через пол-века легли в основу как этой повести, так и некоторых других моих рассказов.

Виталий Полозов

1

Дорога от Карьера в Тропинск, по которой когда-то довольно оживлённо сновали машины, груженые песком, угадывалась лишь по едва заметной тележной колее: нет-нет да и проедет здесь какая-нибудь колымага и обновлённым следом обозначит границы былой пути-дороженьки. Теперь-то она вся поросла травой, и к концу лета грибов и ягод на ней — видимо-невидимо. Собирай не хочу. А так-то — просека да и просека, каких в лесу на каждом шагу. Только эта уж больно извилистая: подлаивали её под вывозку — так особо крутые склоны да буераки огибать старались. Вот и вышло, что от посёлка до Тропинска по ней шесть километров, а напрямую через лес всего-то около трёх. И небольшая мелконькая речушка — летом так вообще воробью по колено — вовсе даже не помеха на этом пути, а лишнее развлечение. Можно даже не замочив ног по большим камешкам на другой берег перескокнуть.

Ну и кто ж, по-вашему, пойдёт в школу по дороге в два раза длиннее? Кто-то, может быть, и пойдёт, только не Таиска; девчушка девяти лет от роду, она чувствовала себя в лесу, как дома, знала здесь каждую тропинку, знала и привечала каждый кустик. Тем более, что иногда можно было немного свернуть в сторону (аккурат повдоль речки, за километр от дома) и навестить земляку лесника, её крестного дядю Колю Ваганова. Не столько его, конечно, сколько его сына Борьку, мальчугана

шести лет. Тот, считай, три года жил в их семье, пока отец был на фронте. Поначалу-то Боря остался с мамой в Каменке (от Карьера чуть больше трёх километров в другую от Тропинска сторону), но она в первый же год умерла там от неведомой болезни, и его привезли к себе дед с бабушкой Вагановы. Только сами они были уже столь немощны, что проживал Боря главным образом в семье у своего крёстного, дяди Артамона, сродного брата Николая, где кроме Таи было ещё шестеро детей: трое постарше её да трое — мал мала меньше. В общем, аккурат «семёро по лавкам», как шутили сами сельчане.

Но вот окончилась война, и отец Борьки вернулся с фронта. Вернулся совсем другим человеком: замкнутым, с болью утраты в глазах. К тому же с покалеченной ногой, что, впрочем, не помешало занять прежнюю должность, да и заметна хромота была только при быстрой ходьбе. Но всё равно при нём теперь всегда была лошадка. Он её первым делом в сельсовете вытребовал; иначе, мол, какой с меня лесник, если я с хромой ногой ни одного браконьера не догоню? Больно много развелось их, кстати сказать, за первый послевоенный год. В общем, сам он на работе день-деньской, когда и забежит в обед, когда и нет, а пацан один на заемке. Поэтому и привечал лесник Таю, и никогда не отпускал её без гостинца за то, что навещала она своего братца. Да она и сама старалась не упустить такой возможности. Но это обязательно после ритуала гадания: для этого нужно покрутить указательными пальцами, развести руки в стороны и, зажмурив глаза, попробовать состыковать пальцы. Если это долго не получалось, можно было подсмотреть — совсем чуточку! — и тогда со спокойной душой бежать к Борьке. Вот как сегодня: стоя у речушки, она развела руки в стороны и...

Надо сказать, что навещала Борю не только она, но и вполне себе взрослая, замужняя женщина тётя Наташа Бугрова. «Бугриха», как поначалу звали её сельчане. Это уж потом стала она называться ласково — Ната, Наталка. Было

ей около двадцати лет, и, сама ещё бездетная, она любила мальчугана какой-то рисковой, прямо жертвенной любовью. Рисковой, потому что замужем была за татарином Васькой Жмаевым, мужиком хоть и богатым, но скучным и к тому же буйным. Правда, буйство его распространялось лишь на одного человека — жену, которую ревновал к каждому столбу и бил смертным боем безо всякого на то повода. Красивая, хрупкая, похожая на девочку-подростка с туго заплётёнными, густыми, просто роскошными русыми косами и добрым, кротким нравом, она была полной противоположностью своему взвалмошному мужу, и вся деревня жалела её. Вот только заступиться за неё было некому. Во-первых, все мужики его возраста, и даже не совсем здоровые, были призваны на войну, а во-вторых, не принято как-то в деревне в чужую жизнь вмешиваться.

— Опять этот «басурман» (так в первый же день «окрестили» его в деревне) Наталку шпиgueет, чтоб ему пропасть, — шептались бабы, заслышиав очередную ругань буйного татарина и стыдливо отводили глаза: — Ну подерутся да и помирятся тут же. Муж и жена — одна сатана.

Такое вот немудрящее оправдание. Да и что могли они сделать против такого свирепого «фулюгана»?

Этот вполне себе здоровый парень — и ростом вышел, и здоровьем не обижен — в отличие от деревенских мужиков каким-то образом отвертесь от армии. Вроде бы падучей он страдал. Оно и правда случались иногда у него припадки, так опять же соседи подметили, что случались они почему-то в основном, когда его могли призвать к ответу: будь то после очередного избиения Натальи или если ещё где напрокудил. Ну а ответ у него один: помрачение, мол, вышло, вот падучая и хватила окаянная.

И такие его «помрачения» особенно участились в этот военный период. Раньше-то посмиреннее был, мужиков побаивался. Приехали они с женой в эту глушь из какой-то

Уфы, и люди поговаривали, что не совсем по доброй воле, а чтобы избежать Ваське неминуемого лагерного срока. То ли всё за те же последствия его «помрачений» — в городе-то сильно не набалуешь, быстро к порядку призовут! — то ли что-то «нахимичил» там басурман, потому как был он там не простым рабочим, а вовсе даже служащим. Да-а, и не самого мелкого пошиба. Это он сам так похвастал, когда случилось выпить лишнего. Правда, потом столь же рьяно старался опровергнуть сам себя: по пьянке, мол, чего не наболтаешь. Ну какой, в самом-то деле, из меня начальник? Но тут-то ему как раз и поверили, потому что и здесь, в этом захолустье, он быстро пристроился в заготконтору и вскоре уже развернулся во всю: то есть из простого заготовителя шагнул в какую-то значительную должность в конторе. Всё же хватка у него была что надо, да и грамотей по местным меркам он был бо-ольшой. Как бы не целых семь классов закончил. Ну, семь не семь, а четыре — точно. Это и Наталья подтвердила.

В общем, не прошло и года, а ему уже и пятистенку мужики срубили (не здешних нанимал, со стороны откуда-то наезжали), и живностью он обзавестись успел: корова, овцы, куры, гуси. А над хозяйством, конечно же, жена. Сам-то брезговал со скотиной возиться; всё больше по делам конторы в отъезде бывал. А как приедет, то и давай над ней куражиться. Как-то раз услышали соседи, что грозил даже отправить её назад к «попрошайке с оравой оборванцев» (так он обозначал её вдовую мать с ребятишками). Видать, попросила его помочь её родным.

— Я те помогу, я те помогу! — орал Васька. — Ишь, богачка выискалась. Узнаю, что хоть копейку переслала, — тут же к ним пеша пойдёшь. Не думай, что поедешь павой расфуфыренной: вот в чём за скотиной ходишь, в том и потопаешь. Не забывай, из какой нищеты я тебя вытащил! В одной драной фуфайке была.

Люди только диву давались, как такая молодая красивая девка могла сносить все эти оскорблении. Но дивились этому не все, кто-то и завидовал. И Наташа, решившись однажды пожаловаться на свою судьбу, попала на свою беду как раз к тем, кто в первую очередь видел в её муже крепкого хозяйственника. Ведь то, что у Васьки в доме был достаток, какого даже близко не было у местных работяг, служило завистью не одной хозяйке.

— Э-э, милая, — услышала она в ответ, — да тебе ли жалиться? Живёшь — рукой не достать. Мужик вон сколь добра в дом наташил, а ты нюни распускаешь. Да тебе на него молиться надо! Эка невидаль, ревнует да бьёт. Бьёт — значит, любит.

И сникла Наталья. Это присловье она слышала каждый день от мужа. И больше после этого ни у кого не искала сочувствия. А если кому и молилась, то только Богу.

— Господи, — шептала она в пустоту и темень ночи, — если Ты есть, сподобь не ожесточиться мне душой. Может, и правда всё ещё стерпится-слюбится, как бабы говорят. Ведь вон какой добрый он был, когда уговаривал маму отпустить меня с ним.

И находила у Бога и утешение, и силы переносить страдания.

Ещё одним светлым облачком в её жизни стала встреча с трёхлетним сыном Николая, которого привезли к Вагановым после смерти матери из Каменки. Борька так походил на её младшего братца, что она вложила в него всю свою нерастраченную любовь. Нет-нет да и заявлялась к старикам с каким-нибудь гостинцем для малыша. А гостинцы-то знатные, не чета деревенским: то сайку диковинную принесёт, то и вовсе печенье или лампасейку. Мальчишка, завидев её, аж прыгал от нетерпения. Потом и домой к себе стала брать его с их разрешения: поводится с ним, понянькается и прямо просияет вся, будто съезнова народилась.

А раз всё на лице написано, то и дознался скоро Васька, почему этой дурёхе (иначе-то он её не называл) так радостно. Сама рассказала, пока он чего дурного не придумал. Только о гостинцах умолчала, зная его жадность. Поначалу-то вскинулся в гневе мужик, вот-вот кулаки в ход пустит, но быстро смигнул, что это ему на руку. Оба брата Вагановы (один — лесник, другой — охотник) были уважаемые люди не только в деревне, но и в районе. К тому же у Артамона осталась своя семья, семеро по лавкам, да теперь ещё к ним и сынок Николая прибавился. Придут они с фронта или нет — не суть важно; важен сам факт, что жена Васьки присматривала за ребёнком. Весь такая оценится не только ими, но и его начальством зачтётся. Да и ему куда спокойнее, что Наталье кроме домашних забот будет кем заняться. В общем, перечить не стал, но перевернул всё по-своему.

— Ну что ж, водись, — буркнул угрюмо, — может, меньше о мужиках думать будешь. И не ерепенься мне тут, — грубо осадил запротестовавшую было Наталью. — Я вас, баб, наскрольки вижу. — И, немного подумав, заключил: — Но и тут ты всё равно дура. Хоть бы какую-то плату с Вагановых брала.

— Так откуда у стариков что возьмётся? — робко возразила она.

— Эге, ещё как возьмётся, — ухмыльнулся Васька. — Чтобы у охотника да лесника ничего не нашлось! И возьмётся, и не убудет. Только смотри у меня: сюда не таскай пацана. Ни ногой чтобы! И это... гостинцами не вздумай подкармливать.

— Так сирота ведь, — попробовала разжалобить его Наталья.

— Сирота, сирота, — передразнил он и махнул рукой досадливо. — У него вон родных полдеревни. Ишь, какая жалостливая нашлась. Не своё-то легко дарить. А заработай сама, вот тогда и раздаривай.

— Так ведь не отпускаешь работать-то, — тихо возразила она впервые за всю их совместную жизнь и даже испугалась своей смелости.

— Ага, поговори щё ў меня, — смерил он её тяжёлым взглядом. — Глядишь, и наговоришь на свой хребет. Сказано: если хоть раз что тронешь из дома — шкуру спущу!

И стал вести строгий учёт всего, что было в доме, особенно сладостей, дабы предотвратить их утечку.

Всё ладно было до той поры, пока вслед за братом не вернулся с войны и Николай. Погоревал мужик о жене, погоревал, заколотил крест-накрест окна дома в Каменке да вскоре на заемку и переехал. И пацана забрал с собой: дескать, парню шестой пошёл, пора к лесу привыкать. Лесто, мол, лучший лекарь от тоски-печали. Да и подальше от людей оно скорее забудется. Душу травить напоминаниями некому станет, разве что сам себе. Он и раньше не сильно-то говорливый был, а теперь вообще замкнулся в себе, стал какой-то странный да угрюмый. Но перед тем, как перебраться на заемку, не забыл лично явиться к Василию с благодарностью да Наталье поклонился и зелёный платок с разными яркими цветами по всему полю, что жене вёз, подарил за заботу о сыне. Не успела за ним захлопнуться дверь, как Василий, только что лебезивший перед ним, вырвал у неё тот платок и ну протирать им сапоги.

— Вот тебе подарок, — повторил со злорадством. — Тут тебе цветочки, тут и ягодки. — И швырнул платок ей в лицо. — Только попробуй когда надеть — убью. И чтобы из дома — ни шагу!

Наталье будто последнюю отдушину в жизни прикрыли. Долго не решалась нарушить приказ мужа, но потом выбрала момент, когда он в район надолго уехал, гостинцев прихватила и ходко туда, на заемку. Повидалась с Борькой и счастливая так же быстро домой. А где один раз, там и второй,

и третий. С неделю эдак навещала мальчишку: нет на уме у наивной бабы, что могут выдать её. А молва людская всегда бежит впереди. Вот уже и донёс кто-то Ваське об этой её жертвенности, а он хоть виду сразу и не подал, но в очередной свой отъезд затаился под крыльцом и прихватил её «на месте преступления». То есть поймал у ограды с узелком гостинцев. Так и села Наталья на землю ни жива ни мертва. А он впился в неё своими колючими глазами:

— А куда это наша мамзель собралась?

— Борю проведать, — лепечет она да крестится. — Ей-Богу, Вася. Сам Николай-то у своих здесь гостюет, так я и выбрали время, чтобы ты не подумал чего. Ты ведь разрешил мне его навещать, а, Вася?

Но никакие доводы уже не могли остановить взвесившегося мужа. Привычным движением схватил её за косы и потащил в дом.

— Я о чём предупреждал? — шипит ей в лицо, сопровождая вопросы тычками по всему телу. Потом и вовсе перешёл на крик.

Ну а бабы тут как тут: на шум сбежались, в ряд чуть поодаль выстроились и судачат меж собой. Тон задаёт соседка Галина.

— Ну вот, — говорит, — давно не было концертов. Уже и к ребёнку ревнует басурман несчастный.

— Не к ребёнку, — поправляет другая, — а к Николаю. Колька-то, поди, мужик. Да ёшё и что надо — мужик, не гляди, что хроменький.

— К ребёнку ли, нет ли, а ведь ей говорено было: не ходи! Всё одно этот упырь пронюхает. Вот и пронюхал. Ой, глядите, глядите!

Из ворот выбежала Наталья в одной сорочке с окровавленным лицом и обезумевшими от боли глазами. Через секунду за ней с диким воем буквально вылетел и сам «упырь» с топором.

Охнули бабы в страхе, шарахнулись, заглушив своим визгом Васькину брань, кроют его почём зря, бегут следом, а догнать да вмешаться не смеют. Страшно!

Николай Ваганов аккурат въезжал в село, когда увидел со спины гнавшегося за Натальей мужа. И в замешательстве натянул поводья: с одной стороны сиюминутное желание вступиться за неё, с другой — боязнь пересудов тех же сельчан. Он уже был наслышан о том, что такая их семейная сцена довольно привычна для деревни. Ну и тот самый вывод, что «милье бранятся — только тешатся».

Однако истошный крик женщин: «Коля, у него топор!» — вывел его из размышлений. Пришпорив коня, он в несколько секунд догнал Ваську и, полоснув кнутом по руке, выбил топор. Тут же спрыгнул с коня и скрутил ошеломлённого воယку, согнув его в три погибели.

— Ты чего-о? — тонко взвизгнул Васька и, не видя противника, давай пошёл ругаться: пусти, мол, такой-рассякой-этакий, или хуже будет. Но, почуяв твёрдую сильную руку, вдруг обмяк всем телом и мешком вывалился из рук Николая на землю. А там, уже лёжа, и вовсе задёргался в конвульсиях, методично приподнимая голову и тут же ударяясь ею о землю.

— Падучая, опять падучая хватила, — вполголоса зашептались подбежавшие бабы. — Пальцы ему, Коля, пальцы шибче заверни.

— Не надо, — почему-то хитро подмигнул Николай и нарочито погромче крикнул: — Чё ему, бедняге, каждый раз эдак-то мучиться. Дайте-ка лучше камень ему под голову. Треснется разок башкой — и дух вон! А вы, бабы, молчок! Вы ничего не видели. Лучше за девкой вон присмотрите. Ага, этот камешек, этот. Давайте сюда.

И вышло сельчанам чудо: Васька тут же осторожно опустил голову на землю и через мгновение приоткрыл один глаз.

— Где я? — спросил тихо.

— Пока что тут, но щас на небеси отправишься, — пообещал Ваганов. — Только наперво скажи, на что тебе топор?

— А не суйся не в своё дело, — немного освоился с обстановкой Василий. Присутствие женщин заставило вспомнить о гордости и придало ему гонору. — Моя жена, сами и разберёмся.

— Что ж дома не разбирался, а с топором по селу гоняешься?

— Ну, ты ж мужик, Коля, должен понимать, — доверительно понизил голос Васька и сел, потирая запястье. — Руку ты мне напрочь отшиб. Если бабу не учить, она тебе на шею сядет. Пусть говорит спасибо, что это я пока так... шуткую, можно сказать. А не поймёт, я в следующий раз ей суд шариата устрою. Слышал про такой?

— Это который? Тот, что у мусульман, что ли?

— Да, у нас, — гордо выпятил губу Васька. — Слышал?

— Положим, слышал. Только мои друзья-татары на фронте говорили, что нет подлее поступка, чем поднять руку на женщину. Так ведь в Коране прописано?

Жмаев ошарашенно выкатил глаза, а Николай сам же ответил:

— Так. Вот, стало быть, ты и пойдёшь под этот суд. Ты же не просто руку поднял — ты убить её хотел. За что?

— А то ты сам не знаешь, — встряла всезнающая Галина.

— Это пошто же я должен знать? — нахмурился он.

— Да ревнует он её к тебе — вот и весь сказ!

— Ко мне?! Ты что, Галька, белены объелась?

Изумление лесника было настолько искренним, что нелепость обвинения стала ясна всем, только не Ваське. Но он, узрев, что Натальи уже нет среди баб, вновь приободрился:

— Не слушай её. Врёт она всё. У нас с женой всё по любви. Ну, погорячился я, да как щас же и помиримся, а? Слышь, Коля?